

УДК 14

**ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОСТИ**

© 2010 г.

О.В. Колесова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kolesovaov@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.02.2010

Рассматривается проблема возможности осмысления истины в рамках культурологической парадигмы. Посылками к подобному видению проблемы автору представляются: антропный принцип, специфика отношения к ценностям в постмодерне, видение культурологии как «метарассказа» современности.

Ключевые слова: истина, знание, антропный принцип, ценность, метарассказ, рефлексия, культурология.

**Антропный ракурс
в познавательном измерении**

Современная позиция неопрагматика Рорти в отношении познания: «Познание на самом деле не отражает (от англ. to copy), а управляет, справляется (от англ. to cope) с явлениями, устанавливая взаимосвязь их с экзистенциальным состоянием субъекта» [1], имеет в исторической ретроспективе очень длинную предысторию.

Ее отсчет можно связать уже с «платными учителями мудрости» софистами. С известной интерпретацией событий, заключавшихся в ответе на вопрос: ветер тепел или холоден?

Следующий серьезный шаг в сторону антропного принципа принадлежит Г. Галилею, впервые показавшему, что опытные данные в своей первозданности вовсе не являются исходным элементом познания. Опыт не может не быть «теоретически нагруженным». Галилей был убежден, что «фактуальные данные» никогда не могут быть даны в их «девственной первозданности». Они, так или иначе, «пропускаются» через определенное теоретическое видение реальности, в свете которого они получают соответствующую интерпретацию. Достоверное знание в итоге реализуется в объясняющей теоретической схеме как единство синтетического и аналитического, чувственного и рационального. Следовательно, отличительное свойство метода Галилея – построение научной эмпирии.

В. Гейзенберг оценивал методологические идеи Галилея, отмечая, что «Галилей отвернулся от традиционной, опиравшейся на Аристотеля, науки своего времени и подхватил философские идеи Платона. Новый метод стремился не к описанию непосредственно наблюдаемых

фактов, а скорее к проектированию экспериментов, к искусственному созданию феноменов, при обычных условиях не наблюдаемых, и к их расчету на базе математической теории» [2].

П. Фейерабенд видит новаторство Галилея в том же: «Галилей нарушает важнейшие правила научного метода, изобретенные Аристотелем и канонизированные позитивистами (такими как Карнап и Поппер); Галилей добивается успеха потому, что не следует этим правилам» [3].

Окончательный переход к «новому типу рациональности» произошел в конце XIX – начале XX столетия. Его основная посылка состоит в том, что познающий субъект не отделен от предметного мира, а находится внутри него. Мир раскрывает свои структуры и закономерности благодаря активной деятельности человека в этом мире. Только тогда, когда объекты включены в человеческую деятельность, мы можем познать их сущностные связи.

В. Гейзенберг первым заметил, что в общем случае разделение субъекта и объекта его наблюдения невозможно. Для Н. Бора и В. Гейзенберга, работавших вместе, неопределенность ядерных частиц была не просто свойством их наблюдений, а основополагающей чертой самой реальности. Мы не можем одновременно знать и положение, и скорость частицы, да и сама частица одновременно этими свойствами не обладает. Поэтому физика в действительности есть то, о чем мы можем говорить. Если что-то невозможно наблюдать, это не может быть частью реальности. Реальность – это то, что мы наблюдаем. Наш разум придает порядок опыту. Квантовую физику можно трактовать с аналогичных позиций – акт наблюдения подчиняет

определенному порядку неопределенное поведение частиц.

Развитие науки показало, что исключить субъективное вообще из познания полностью невозможно даже там, где «Я»-субъект играет крайне незначительную роль.

М. Борн следующим образом оценил роль квантовой механики, считая, что возникла «философская проблема, трудность которой состоит в том, что нужно говорить о состоянии объективного мира, при условии, что это состояние зависит от того, что делает наблюдатель» [4].

Понимание того, что любые явления нельзя рассматривать «сами по себе» в том смысле, что их познание предполагает присутствие субъекта, привело В. Гейзенберга к заключению о том, что в естествознании предметом исследования является не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречает самого себя [2].

Воспроизводя объект так, как он есть «в себе» в формах своей деятельности, субъект всегда выражает, так или иначе, свое отношение к нему, свой интерес или оценку. М. Борн подчеркивает «неустранимую примесь субъективности», присутствующую в процессе исследования, которая прослеживается в том, что поведение атомных объектов «самих по себе» невозможно резко ограничить от их взаимодействия с измерительными приборами, со средствами наблюдения, которые определяют условия возникновения явлений. Однако развитие науки показало, что исследование того, в какой мере описание физических явлений зависит от точки зрения наблюдателя, не только не внесло никакой путаницы или усложнений, но, наоборот, оказалось неопределимой путеводной нитью при разыскании основных физических законов, общих для всех наблюдений [5].

Квантовая физика преподнесла, по мнению А. Эйнштейна, важнейший методологический урок. Он состоит в отказе от упрощенного понимания возникновения теории как простого индуктивного обобщения опыта. Он подчеркивал, что теория может быть навеяна опытом, но создается как бы сверху по отношению к нему и лишь затем проверяется опытом. Не отвергая роль опыта как источника знания, он считал, что не всегда является вредным в науке такое использование понятий, когда они рассматриваются независимо от эмпирической основы, которой обязаны своим существованием. Из голый эмпирии не может расцвести познание. Эволюцию опытной науки «как непрерывного процесса индукции» Эйнштейн сравнивал с со-

ставлением каталога и считал такое развитие науки чисто эмпирическим делом, поскольку такой подход, с его точки зрения, не охватывает весь действительный процесс познания в целом. А именно умалчивает о важной роли интуиции и дедуктивного мышления в развитии точной науки. Как только какая-нибудь наука выходит из начальной стадии своего развития, прогресс теории достигается уже не просто в процессе упорядочения. Исследователь, отталкиваясь от опытных фактов, старается развить систему понятий, которая, вообще говоря, логически опиралась бы на небольшое число основных предположений, так называемых аксиом. Такую систему положений мы назовем теорией. Для одного и того же комплекса опытных фактов может существовать несколько теорий, значительно отличающихся друг от друга [6].

В рамках неклассической науки представление о реальности усложнилось, в связи с пониманием активной роли человека в ней. И. Пригожин и И. Стенгерс в этой связи констатировали, что реальность, изучаемая физикой, есть не что иное, как конструкция нашего разума, а не только данность [7].

В гуманитарном познании включенность человека как познающего субъекта, как «интерпретатора» смысла особенно ярко прозвучала в герменевтическом подходе, сформулированном в рамках немецкой герменевтической школы. Г.-Г. Гадамер считает: «только тот способен на действительное восприятие, действительное понимание художественного произведения, «кто участвует в игре», то есть тот, кто в своей деятельности добивается собственных результатов» [8].

Понимание, по Гадамеру, включает в себя и всегда есть применение подлежащего понимания текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор. Интерпретация текста, таким образом, состоит не в воссоздании первичного (авторского) смысла, а в создании смысла заново. Автор – «элемент почти случайный», однажды созданный им текст начинает жить независимо от своего творца. Поэтому текст производит исторический эффект, о котором автор и помыслить не мог. Интерпретатор перечитывает текст, отыскивая его черты в других культурных слоях. Ученый, с точки зрения Г. Гадамера, никогда не знает всего о своей теории, ему не достает многих частей мозаики, чтобы делать выводы. Историк, в силу временной дистанции, видит и понимает больше. Чем дальше хронологически мы находимся от текста, тем с большим пониманием к нему приближаемся. Ценность той или иной трактовки

не связана с датой изготовления. Уместно лишь говорить о ее приемлемости до тех пор, пока не появится другая, более эффективно стимулирующая рост знания трактовка.

Таким образом, развитие науки XX века, как естествознания, так и обществознания, убедительно показывает, что независимого наблюдателя, способного только наблюдать и не вмешиваться в естественный ход событий, просто не существует.

Человека – единственного наблюдателя, которого мы способны себе представить, – невозможно вычленивать из окружающего мира, сделать его независимым от его собственных действий, от процесса приобретения и развития знаний.

Специфика ценностных приоритетов в эпоху постмодерна

Постнеклассическая наука обрисовала перед человечеством не только неожиданные перспективы, позволила не просто взглянуть на настоящее новым взглядом, но предложила и свое прошлое увидеть в совершенно непривычных ракурсах и веерах, несвершившихся возможностей. Ироническое высказывание о том, что «история учит нас тому, что она ничему не учит», приобрело практически научный статус. Удивительным образом открылась необозримая перспектива свобод прочтения настоящего, будущего и прошлого.

Поле культуры – это сопряжение различных взглядов, поколений, традиций, умонастроений, научных парадигм. Отличительная характеристика настоящего времени – всеобщий плюрализм, допущение любых исторических перспектив с точностью до наоборот, отсутствие единого критерия оценки, многообразие стилей, признание права за каждым на собственное мнение.

История дает нам примеры видения мира в ракурсе определенной актуальной в данный момент парадигмы. Вне зависимости от того, насколько глубоко или сколь поверхностно человек разбирается в сложных перипетиях эпистемологических систем, существующие в них особенности на уровне обыденного сознания всегда выражаются в определенных объектах почитания, способах восприятия, представлениях о должном, поведенческих стереотипах.

Какова же постнеклассическая модель обыденной жизни, ее ценности?

Лозунг об «эпистемологическом анархизме» («все дозволено») [3], возможно, далек от своего прямого воплощения, но позволяет офици-

ально (и почти уже без комплексов) сосуществовать различным типам мироосвоения.

Это, безусловно, свидетельство рефлексивного сознания человека, понимания ограниченности любого самого «лучшего метода». Происходит стирание грани наука – ненаука. В этой связи большой вес приобретает понимание, интуиция и внелогические способности человеческого мышления.

Специфические термины синергетики вошли в обиход в интеллектуальной среде, в частности понятие «флуктуация» оказалось применимо к самому человеку, более того, в него привнесена живинка – «флуктуинуть» в разговорном стиле.

Понимание неравновесности как источника порядка в нашем неустойчивом мире особенно актуально. Оно позволяет терпеть современное состояние («Терпение есть искусство питать надежду» [9]), но уже в новом ракурсе видя проблему. Принцип неопределенности в применении его к социальной практике опять же подвигает нас запасаться все большим терпением или махнуть на все рукой. Понимание того, что не наше прошлое, а наше будущее формирует наше наличное состояние, придало особый вес идеям, идеологиям, ценностям, вообще нематериальным факторам нашего бытия как особо значимым. С одной стороны, акценты смещаются (теоретически) из области материального в область духовного, с другой стороны (практически), человек становится более прагматичным и утилитарным. Вторая сторона, вероятно, объясняется желанием в условиях всеобщей нестабильности, неопределенности, в отсутствие более или менее четких перспектив, оказаться по крайней мере хотя бы с синицей в руках.

Известно, что любая идеально существующая модель, будь то вероучение или политическая идея, в реальной практике всегда имеет скромное количество плюсов и весомую часть минусов.

Очевидно, современная постнеклассическая парадигма имеет свои «плюсы»: понимание мира как целого, более реалистическая оценка возможностей человека, осознание ответственности за происходящие изменения, вдумчивое отношение к роли индивида в истории; есть, однако, и не менее очевидные негативные моменты.

Главный из них – отсутствие «почвы» под ногами. В терминах культурологии – место социальности заняли культурные стили. Если у физиков когда-то появилось понимание того, что «материя исчезла», потом «причинность исчезла», то на языке обыденном исчезла пре-

допределенность, предзаданность, даже, вернее сказать, вера в нее. А человеку, как известно, без веры нельзя. Обрушились смыслы, цели, остался хаос. В этом хаосе обломки прошлого и сплошные точки бифуркаций, таящие в себе загадки будущего. Несчастный обыватель силится их разгадать, но понимает свои «ограниченные» возможности, это и подталкивает его к легкой добыче синиц.

Культурология как попытка «метарассказа»

Любые умонастроения, появляющиеся в обществе, стремятся кристаллизировать в более-менее стройную теоретическую систему. Думается, подобным базовым основанием современных умонастроений и стало возникновение культурологии. Ее появление, правда, связывают с различного рода причинами. К примеру, следующие: общество стало технократичным, и в отсутствие духовного этико-эстетического начала делается попытка компенсировать эту утрату культурологией; есть версия видения культурологии как попытки изучения культуры прошлого, так как в настоящее время новых культурных ценностей не создается или они имеют опять же технический, интеллектуально-рациональный смысл.

В настоящее время культурология находится в стадии становления. В зависимости от приоритета предметной области в разных странах у этой дисциплины названия варьируются: философия культуры, культурная антропология, теория культуры и т.п. Существенной интеллектуальной предпосылкой для становления этой науки было осмысление представителями баденской школы неокантианства наук о культуре.

Анализируя специфику наук о культуре, Г. Риккерт приходит к выводу, что для них характерен идеографический метод исследования [10], сущность которого состоит в описании особенностей существенных исторических фактов, а не их генерализация [10] (построение общих понятий, что присуще естествознанию). Объекты исторического знания неповторимы, не поддаются воспроизведению, нередко уникальны. Абстракции и общие понятия в науках о культуре не отвергаются, но они здесь – вспомогательные средства при описании индивидуальных явлений, а не самоцель, как в естествознании. Если в естественных науках их единство обусловлено классической механикой, то в историческом познании единство обеспечивается понятием «культура», при этом необходим учет всех субъективных моментов.

Думается, акцентированное внимание на субъективном, неповторимом, уникальном позволило, с одной стороны, совершенно справедливо выделить особенности объектов культурного происхождения, с другой стороны, тенденция к абсолютизации, самозначимости любого культурного проявления, берет начало там же. Как уже было замечено, любое очевидно позитивное начинание так или иначе на выходе имеет какой-то негатив. Позитивным является то, что любое уникальное культурное явление, концепция, мнение, индивидуальность рассматриваются вне всякой иерархии, это позволяет, по мнению тех же баденцев, отнести его к ценности, не вынося оценочного мнения. Но парадокс заключается в том, что сегодняшнее постмодернистское пространство как раз выдерживает этот принцип: отнесения к ценностям культурных феноменов без их оценки. Оптимизма это, к сожалению, не добавляет современной культуре. Пространство постмодернизма – это пространство плоскости. Вертикаль, означающая верх – низ; добро – зло; священное – профанное; истина – ложь в нем перестала быть актуальной. Плоскость не исключает эти понятия, но они обрели в ней безоценочную альтернативность. «Все возможно» – позиция, переставшая означать крайности и превращающаяся в варианты из «или-или» в «и-и», либо ни то, ни другое и все одновременно.

Значимость и значительность чего-либо тут не перетекает в другую крайность – незначимости и отсутствия смысла. В этом пульсирующем пространстве момент выбора обретает многократную актуальность, перестает быть роковым, превращая присутствие в-здесь-и-теперь обстоятельствах в иллюзию реальности – пространство игры.

На протяжении всей своей истории человек, обреченный наделять мир смыслом, пытается постичь его истину.

В пространстве постмодерна известная суфийская притча о слоне, которого исследовали в темном стойле, становится особенно актуальной. Изучение уха, хобота, ноги и спины, представленных в соответствии с соотносимыми знакомыми образами, видятся самодостаточными, имеющими право быть. Таким образом, осуществляется принцип отнесения к ценностям без оценки.

Справедливости ради нужно заметить, что и вся предшествующая история поиска истины, смысла жизни, может быть представлена метафорой той же самой притчи. Разница лишь в том, что предшествующая история попыток поиска истины подразумевала, если оставаться в

рамках притчи, что дневной свет даст полноту картины и расставит все по местам. Ситуация постмодерна исключает возможность дневного света.

Именно в рамках постмодерна формируется культурология как своеобразная рефлексия современности, вызванная потребностью адаптации человека к тем «издержкам», которые подразумевают его «зрелое» отношение к себе и миру, когда «ироника» приходит на смену авангарду.

Если авангард разрушал и деформировал прошлое [11], «ироника», предложенная Р. Рорти, должна помочь нам освободиться от сокровенных символов веры, подвергнув их сомнению. Проблема, в данном случае, в том, что, став «иронизирующими либералами», мы не обрели «почву» в собственной иронике, а скорее потеряли себя.

Таким образом, перед культурологией встали как минимум две проблемы, обусловленные одной и той же посылкой. Первая сводится к тому, чтобы уйти от иерархий, возможных благодаря, к примеру, европоцентристскому принципу, эту задачу она решила в ходе своего становления. Вторая – придать культуре смысл, сделать ее эмоционально удовлетворительной для человека, не способного жить в отсутствие «почвы».

Единственным выходом из ситуации, который мог бы решить проблему в нужном ключе, т.е. избегая «тоталитаризма» одной идеи и в то же время давая общезначимый смысл в рамках культурного образования, видится обращение к традиции. Культурологическая парадигма, на наш взгляд, делает это возможным. Придавая значимость каждому уникальному культурному явлению, она, таким образом, может усиливать роль традиции в современном измерении. Трактую традицию не в контексте того, что «рано или поздно преодолевается», а в контексте «присутствия в прошлом, настоящем и будущем одновременно», культурология будет способствовать осуществлению внутрикультурных межпоколенных связей. Осуществление культурного взаимодействия возможно между культурными поколениями, где значимыми «точками памяти» будет традиционное отношение к ценностным иерархиям данной культуры, выраженным в трансцендентальном объекте, в системе поведенческих стереотипов, в наборе «сентиментов», проявляющих как лакмусовая бумага «родство» чувств, общность эмоциональных выражений.

Будучи междисциплинарным комплексом, культурология в рамках рефлексии выявляет

ментальные предпочтения той или иной культуры и позволяет подойти к ним с позиций понимающей психологии.

Осознанные на таком уровне традиционные предпочтения избавляют нас от радикальных оценок «хорошо» или «плохо», позволяя понять их как оптимальный адаптивный вариант данной культуры. Возможность увидеть традицию именно с позиций оптимальной адаптации придает ей особый смысл и делает значимой для будущих поколений. На наш взгляд, это и есть возможность «обретения почвы» под ногами. Смысл культурологического подхода в том, что культура изучается не в механистическом ключе, когда суммируются различные варианты на тему истории чего-либо и акцент делается на знании фактов, представленных хронологическим образом. Смысл культурологического подхода в понимании этих самых фактов как неслучайного набора и не как набора вообще, поскольку это механическое восприятие, а как системы взаимообусловленных явлений.

Значимость культурологической парадигмы для современности в том, что она ориентирована в методологическом плане на понимание. Это существенное достижение в сравнении с ориентацией на знание того или иного материала, факта, события, процесса. Именно понимание ориентирует как на приятие собственной культурной традиции, так и на допущение существования других, с учетом их специфики. Таким образом, возможно участие в созидании культуры как таковой. Ведь у разных культурных миров нет необходимости в нивелировке в соответствии с общим критерием формирования по принципу «бильярдных шаров». Но одновременно с осознанием собственной специфики, что особенно важно, абсолютно значимой для внутреннего употребления, есть осознание других специфик, применимых в других культурных пространствах.

Диалог, возникающий в таком культурном пространстве, обогащает традиционное культурное ядро и способствует продолжению жизни культуры.

Список литературы

1. Джохадзе Иг. Неопрагматизм Ричарда Рорти и аналитическая философия // Логос. 1999. № 6. С. 105–106.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 232, 301.
3. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 304, 451.

4. Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 81.
5. Борн М. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 98.
6. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. С. 228–229.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 290.
8. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 251.
9. Вовенарг Л. де. Размышления и максимы. Л., 1988. С. 192.
10. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 75, 69.
11. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб., 2002. С. 78.

THE PROBLEM OF TRUTH IN THE CONTEXT OF CULTURAL REFLECTION OF MODERNITY

O.V. Kolesova

The article explores the possibility of comprehension of truth within the culturological paradigm. The author notes the following premises for such a vision of the problem: anthropic principle, specific attitude to values in postmodernism, vision of culturology as a "metastory" of modernity.

Keywords: truth, knowledge, anthropic principle, value, metastory, reflection, culturology.